

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 340.5

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-353-363

EDN WUNZXH

Сущность публично-правового регулирования нотариальной деятельности

Гришин К.Г.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

grishin.notary@gmail.com

Аннотация. Роль нотариальной деятельности важна для повышения правовой культуры общества, снижения рисков возникновения споров и конфликтов, а также для обеспечения легитимности юридических сделок. Несмотря на многочисленность публикаций по публично-правовому регулированию, до сих пор остаются недостаточно разработанными вопросы о характере и особенностях такого регулирования, а также его роли в системе правового обеспечения нотариальной деятельности. Так, налицо недостаточность теоретического обоснования понятия публично-правового регулирования, недостаточность разработанности механизмов и методов такого регулирования; отсутствие комплексного анализа баланса между публичными интересами и профессиональной автономией нотариусов; недостаточная исследованность роли публично-правового регулирования в обеспечении правовой защищенности участников сделок. Для устранения этих пробелов необходимо проведение более системных исследований, включающих теоретический анализ понятий, механизмов и функций публично-правового регулирования в сфере нотариальной деятельности, а также их практическое применение и влияние на правовую систему в целом. Цель исследования заключается в выявлении и анализе правовых основ, механизмов и особенностей государственного регулирования нотариальной системы, а также в определении его роли в обеспечении законности, защиты прав и интересов участников гражданского оборота, укреплении доверия к нотариальной деятельности и повышении ее эффективности. Изучение сущности публично-правового регулирования нотариальной деятельности позволило определить его значение на современном этапе. Во-первых, публично-правовое регулирование устанавливает правовые основы, стандарты и процедуры, которые гарантируют законность и безопасность нотариальных действий, что способствует защите интересов участников сделок. Во-вторых, четкое регулирование повышает прозрачность и предсказуемость нотариальной деятельности, укрепляя доверие общества к нотариусам и их роли в обеспечении юридической безопасности. Наконец, понимание сущности публично-правового регулирования позволяет создавать более эффективные правовые инструменты для совершенствования нотариальной системы, повышения ее эффективности и доступности.

Ключевые слова: публично-правовое регулирование, дифференциация публичного и частного права, публичное право

Для цитирования: Гришин К.Г. 2025. Сущность публично-правового регулирования нотариальной деятельности. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 50(2): 353–363. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-353-363 EDN: WUNZXH

The Essence of Public Law Regulation of Notary Activity

Kirill G. Grishin

Kazan (Volga Region) Federal University
18 Kremlevskaya St, Kazan 420008, Russian Federation
grishin.notary@gmail.com

Abstract. The article is focused on public law regulation of notary practice. Notarial activities are significant in terms of developing the society's legal culture, reducing risks of legal disputes and conflicts, and ensuring the legitimacy of legal transactions. Despite numerous research works, issues of the essence and specifics of such regulation and its role in the legal support of notary practice have not received proper scientific attention so far. There are no sufficient theoretical grounds for the concept of public law regulation; mechanisms and methods of such regulation have not been worked out to the necessary extent; no comprehensive analysis of the balance between public interests and notaries' professional autonomy has been done; and the role of public law regulation in protecting the rights of transaction participants remains understudied. Systemic research is necessary for overcoming these gaps, which should include a theoretical analysis of the concepts, mechanisms and functions of the public law regulation of notarial activities and investigate their practical use and effect on the legal system. The purpose of the study is to identify and analyze the legal foundations, mechanisms and features of state regulation of the notary system, as well as to determine its role in ensuring legality, protecting the rights and interests of participants in civil turnover, strengthening trust in notary activities and increasing its effectiveness. The study has revealed the significance of public law regulation at contemporary stage. Firstly, it establishes the legal norms, standards, and procedures that secure legitimacy and safety of transactions, which facilitates the protection of transaction participants. Secondly, a clear regulation makes notarial activities more transparent and predictable, this strengthening people's trust in notaries and their role in ensuring legal safety. Finally, understanding the essence of this process makes it possible to develop more effective legal instruments for improving the notarial system, enhancing its efficiency and accessibility.

Keywords: public law regulation, differentiation of public and private law, public law

For citation: Grishin K.G. 2025. The Essence of Public Law Regulation of Notary Activity. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 353–363 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-353-363 EDN: WUNZXH

Введение

Доктринальное понимание феномена публично-правового регулирования генетически связано с дихотомией публичного и частного права. Как известно, это одна из наиболее весомых составляющих римского наследия в современной юриспруденции и своего рода «вечный вопрос», обсуждаемый едва ли не с XVI века в аспектах особенностей частного и публичного права, историко-правовой динамики их соотношения, воплощения в национальных правопорядках, влияния на текущую правотворческую и правореализационную практику и т. д. Обозначенная дихотомия попадает также и в зону нашего внимания, ибо получить новые систематизированные знания относительно публично-правового регулирования нотариальной деятельности в Российской Федерации представляется возможным лишь на основе предыдущих исследований и разработок относительно интерпретации публичного и частного права как двух ценностно-нормативных подсистем единого правопорядка [Смоленский, 2023, с. 100].

Общие концепции публично-правового регулирования изучены А.В. Мальцевым, который подчеркивает, что публично-правовое регулирование – это система мер, осуществляемых государством для обеспечения законности, защиты прав и интересов граждан и общества в целом. В контексте нотариальной деятельности оно выступает как механизм государственного контроля и надзора [Мальцев, 2004]. Изучая роль

государства в нотариальной деятельности, исследователи Е.В. Иванова [Иванова, 2017] и Н.П. Смирнова [2019] акцентируют внимание на том, что нотариальная деятельность является исключительной сферой публичного интереса, а её регулирование осуществляется через нормативные акты, лицензирование, контроль за соблюдением законодательства. Механизмы публично-правового регулирования отражены в работах А.Ю. Баранова [2019] и И.В. Кузнецовой [2020], которые анализируют инструменты государственного воздействия: нормативное регулирование (законы, подзаконные акты), контрольные функции (надзор, лицензирование), а также правовые санкции за нарушение правил. Теоретические подходы к сущности публично-правового регулирования изучены в научных трудах Л.П. Гусева [2018] и М.А. Петрова [2019], в которых рассматривается вопрос о соотношении публичного и частного начала в нотариальной деятельности, подчёркивается роль государства как гаранта законности и порядка [Смоленский, 2023, с. 100]. Несмотря на значительный массив работ, отмечается недостаточная разработанность вопросов о балансе между государственным контролем и профессиональной автономией нотариусов, а также о механизмах обеспечения эффективности публично-правового регулирования.

Вместе с тем понятия публичного права и публично-правового регулирования не тождественны, и разница между ними хорошо видна на следующем гипотетическом примере. Допустим, мы считаем нотариальное право самостоятельной отраслью и в этой связи в ходе некоей дискуссии предлагаем две формулировки:

- а) нотариальное право является самостоятельной отраслью *публичного права*;
- б) нотариальное право, будучи самостоятельной отраслью, сочетает в себе элементы *публично-правового* и *частноправового регулирования*.

Разумеется, оба утверждения найдут как своих сторонников, так и оппонентов, ибо иного в науке не дано. Со своей стороны лишь заметим, что, во-первых, в формулах заложены различные концептуальные подходы к нотариальному праву, со всей очевидностью выявляющие неэквивалентность понятий «публичное право» и «публично-правовое регулирование» [Булатов, Макаруч, 2024, с. 52; Конджакулян, Мерзаметова, 2020, с. 156; Кулишова, 2015, с. 11]; во-вторых, формула (б) представляется точным отражением надлежащего сочетания статических и динамических аспектов интересующего нас соотношения публичного права и публично-правового регулирования, а именно – публичное право является системным ориентиром, тем ценностно-нормативным вектором, по которому публично-правовое регулирование направляет движение и развитие общественных отношений с целью их упорядочения и систематизации [Мамай, 2023, с. 212].

Таким образом, сущность публично-правового регулирования подлежит аналитическому описанию в органическом единстве с той или иной интерпретацией публичного права.

Публичный интерес, как правило, ассоциируется с понятием «общественного», что предполагает охват интересов многочисленных слоёв социальной структуры, однако необходимо учесть, что существует и альтернативная интерпретация этого термина, в которой акцент ставится не на коллективную принадлежность, но на открытость и направленность деятельности, ориентированной на широкий спектр участников социального взаимодействия, что требует детального разграничения в зависимости от специфики контекста, в котором данный термин применяется [Мельников, Ширина, 2022, с. 275]. В частности, в рамках анализа, предложенного судьёй Конституционного Суда Российской Федерации А.Л. Кононовым, термин «публичный» подвергается многозначной трактовке, в силу чего, в зависимости от конкретной области его употребления, он может обозначать как социокультурное явление, отражающее интересы более или менее широких слоёв населения, так и всенародную доступность и прозрачность определённых действий или процессов, что в свою очередь противостоит

категориям, отражающим приватность или ограниченный круг участников, таким как "частный", "личный" и "индивидуальный"»¹. Публичное право, в своей классической интерпретации, направлено на обеспечение защиты интересов и целей, которые касаются всего государства в целом, и охватывает те правовые отношения, в которых участвуют государственные органы, при этом предполагается наличие властных структур, взаимоотношений подчиненности, а также правовых требований и ограничений, обязательных для исполнения и юридически обоснованных как в контексте положений части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, так и в соответствии с нормами соответствующего федерального законодательства, регулирующего данные отношения [Графский, 2000, с. 241].

Теперь приступим непосредственно к уяснению сущности публично-правового регулирования в системе действующего российского правового порядка и вначале отметим возможность а) историко-правового, б) философско-правового и в) собственно юридического (системно-отраслевого) подходов к решению данного вопроса.

Историко-правовой подход уяснения сущности публично-правового регулирования

Так, руководствуясь историко-правовым подходом, мы констатируем, что первоисточником дифференциации публичного и частного права стали классические правила, сформулированные двумя выдающимися римскими юристами – Эмилием Папинианом и Домицием Ульпианом.

Согласно Папиниану, публичное право (*ius publicum*) не может быть изменено правовыми соглашениями и сделками частных лиц. Как следует из общего контекста, в данном случае понятие публичного права представлено широко, включая не только государственное право, но и вообще все установленное государством право, или право государства: Законы двенадцати таблиц, публично-правовые законы республиканского периода (*leges publicae*), постановления сената (*senatusconsulta*) и императорские указы периода империи (*constitutiones*). Отсюда легко сделать вывод о противопоставлении публичного и частного права по признаку обязательности, или императивности. Между тем вряд ли верно утверждение, что *ius publicum* следует трактовать исключительно как императивное право в отличие от диспозитивного права. На наш взгляд, правильнее считать, что данная формула указывает на высший авторитет государственного правотворчества по отношению к правовым соглашениям между частными лицами. Симптоматично, что эта правовая идея в дальнейшем воплотилась в известной современным правовым порядкам максиме, что договор не должен противоречить закону. Папиниан, *responsa prudentium* которого придавалась юридическая сила, впервые акцентировал объективно существующий контраст между сферами действия государственного римского права с одной стороны и частной автономии – с другой².

С историко-правовой точки зрения здесь следует обратить внимание на два обстоятельства: во-первых, римские юристы, даже такие талантливые, как Папиниан и Ульпиан, были в первую очередь практиками и занимались казуистикой, оставляя в стороне разработку абстрактных теоретических понятий, к которым, вне сомнения, относятся категории публичного и частного в правовом регулировании; во-вторых, нормативные элементы, квалифицированные Ульпианом как *ius publicum*, хотя и были закреплены в кодексе законов Юстиниана, но ни содержательной, ни структурной его доминанты не составляли, – безусловно, центром *Corpus Iuris* было именно частное

¹ По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева: [Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 № 12-П] // Вестник Конституционного Суда РФ. № 1. 2006.

² Дайджест публичного права. URL: https://dpp.mpil.de/08_2019/08_2019_154_191.pdf (дата обращения: 09.07.2024).

право, тогда как право публичное рассматривалось скорее в качестве определенного набора теологических и/или моральных установок¹.

Как следствие, публичное право далеко не сразу получило самостоятельное категориальное признание и соответствующее институциональное утверждение. Историко-правовой подход позволяет нам проследить гибкость и изменчивость границ между частным и публичным правом, а также поиски того или иного баланса между ними [Графский, 2000]. Обнаруживается, например, что уголовное право первоначально относилось к частной сфере, то есть преступление рассматривалось не как опасное для государства и общества деяние, а как вред, нанесенный конкретному потерпевшему и его семье, поэтому потерпевший или его родственники либо сами наказывали виновного, либо заключали с ним соглашение о возмещении причиненного ущерба. Напротив, к публичному, а не к частному праву некогда относились семейные и наследственные отношения, так как семья и особенно род были не частными союзами, а государственными установлениями, и их надлежало поставить под надежную охрану законом, который именно в интересах рода, но не отдельного лица, не предусматривал свободы завещательных распоряжений, а также устанавливал целый ряд иных правоограничений, свидетельствующих о государственном признании семейных и наследственных отношений объектами публичного правового воздействия.

Доминирование частного права над публичным сохранялось и в феодальную эпоху, когда государственная власть отождествлялась с землевладением, государь считался землевладельцем, вотчинником, территория рассматривалась как населенное имение, и ее можно было отдать в удел или в приданое. Отношения между сюзереном и вассалом регулировались не законом, а договором.

Однако уже к началу XIX века наметилась новая тенденция, выразившаяся в установлении некоторого равновесия между частным и публичным правом, основанного на понимании объективной необходимости каждого из них для нормального, упорядоченного взаимодействия между человеком, обществом и государством.

Философско-правовой подход к уяснению сущности публично-правового регулирования

Полагаем, здесь будет уместно несколько расширить круг избранных исследовательских приемов, дополнив его включением философско-правового подхода к изучаемому вопросу. Данный подход интересует нас в узко прагматическом смысле – постольку, поскольку в трудах классиков философско-правовой мысли находится своего рода неисчерпаемый арсенал ценных правовых идей и аксиом, направляющих теорию и практику правового регулирования общественных отношений, включая и те аспекты, которые сопряжены с дифференцированием публичного и частного права. В этой связи обратимся к таким признанным авторитетам, как Аристотель Стагирит и Иммануил Кант. Жившие в весьма отличающиеся друг от друга эпохи, оба философа оставили такое научное наследие, которое не поддается однозначной интерпретации и вплоть до настоящего времени является предметом многих философских дискуссий. Согласно Аристотелю, люди объединяются в государство «ради благой и счастливой жизни», а право воплощает разумность и справедливость, которая может быть общей и специальной (частной). В свою очередь, специальная справедливость проявляет себя либо как распределительная, или дистрибутивная, либо как уравнивающая, или ретрибутивная. Поскольку же общие блага, в отличие от частных, по своей природе не могут быть распределены между индивидами, постольку и мерой справедливости всегда выступает не абсолют, а пропорция по формуле «каждому – свое».

---

¹ Дайджест публичного права. URL: https://dpp.mpil.de/08_2019/08_2019_154_191.pdf (дата обращения: 09.07.2024).

Справедливым порядком общежития следует считать опосредованное благами отношение человека к другому лицу, если получаемые этими лицами блага распределяются на основе единого морального эталона, одинаково приемлемого всеми, включая и тех, на чью долю выпадает больше лишений и тягот. А нарушение пропорции «каждому – свое», рассчитываемой по такой морально общепризнанной мере, будет несправедливым.

В результате справедливость выступает и как личная добродетель каждого, и как объективный принцип организации общественных отношений, тем самым связывая воедино две сферы законного послушания: человек подчиняется одновременно и закону добродетели, запечатленному в его сердце, и закону государственному, повелевающему подчиниться властвующим субъектам. Иными словами, разумное сочетание частного и публичного в организации общества обеспечивает как лучшее политическое устройство государства в целом, так и высшее благо отдельного человека – счастье.

В эпоху Нового времени Иммануил Кант вновь привлек внимание к концепции распределительной справедливости в контексте различия между публичным и частным правом, предложив свою интерпретацию этого вопроса. В отличие от взглядов Аристотеля, который связывал задачу государства с обеспечением блага и счастья своих граждан, Кант утверждал, что цель государства заключается не в обеспечении счастья людей, а в гарантировании правового состояния, рассматриваемого им как высшую степень гармонии государственного устройства с принципами права, достижение которой, по мнению философа, обосновано категорическим императивом разума, предписывающим такой порядок [Кант, 1903].

Правовое состояние – это, согласно Канту, одна из типовых разновидностей взаимоотношений между людьми, а всего таких разновидностей три:

1) естественное состояние (состояние частного права, в котором нет никакой распределяющей справедливости);

2) гражданское состояние (состояние частного права, в котором распределяющая справедливость хотя и возможна, но обязательной не является);

3) правовое состояние (состояние публичного права, которое содержит ту же самую материю и те же самые взаимные обязательства людей, какие могут мыслиться и в состояниях частного права, но отличается правовой формой совместного бытия – здесь распределяющая справедливость признана обязательной на основании публично обнародованного закона и есть суд, именуемый «справедливостью страны» и уполномоченный разрешать спорные случаи, определяя правовое и неправое применительно к той или иной ситуации) [Кант, 1903].

В концепции Канта распределяющая справедливость выступает своего рода маркером частного и публичного во взаимоотношениях между людьми. При этом естественное состояние собственно правовым не является, потому что речь идет о некоей фундаментальной данности человеческого бытия, не зависящей от воли каких бы то ни было авторитетов или облеченных властью персон. В своем естественном состоянии каждый человек обладает достоинством, то есть чувством самоуважения, а также прирожденным правом свободы, выраженной в независимости от принуждающего произвола другого.

Таким образом, прирожденное право быть свободным проявляется в разных обличьях. В естественном состоянии оно «является голой идеей», не подкрепленной ничем, кроме гипотетического соблюдения границ моей свободы другими лицами. В гражданском состоянии оно носит как бы предварительный характер, поскольку право еще отсутствует – каждый считает, что поступил правильно, но нет облеченного властью судьи, могущего определить, что на самом деле есть правовое и неправовое. И лишь в правовом состоянии прирожденное право человека воплощается во всеобщих, сопровождаемых необходимым насилием публичных предписаниях, которые соответственно могут гарантировать или создать каждому его право.

Юридические идеи Канта в русской философии права развивал, в частности, Е.В. Спекторский (1875–1951). Автор многочисленных учебников по энциклопедии права, истории философии права и государственному праву, он достаточно подробно характеризовал специфику публичного права, отмечая, что публичное право вырабатывалось таким образом, что не власть подчиняла себе право, а, напротив, сама себя подчиняла ему [Спекторский, 1927, с. 35]. При этом культурное назначение права состоит не в том, чтобы создавать идеальных людей, а в том, чтобы сделать сносною совместную жизнь реальных людей на началах ответственного распоряжения собственной волею и уважения к чужой воле, а также к общественному порядку [Спекторский, 1927, с. 33].

По характеристике Е.В. Спекторского, в основу деления права на публичное и частное положены два принципа: (1) личная свобода человека и (2) государственное господство. Оба принципа одинаково необходимы для организованного и упорядоченного сосуществования людей, их благополучной совместной жизни [Спекторский, 1927, с. 53]. Вместе с тем каждый из этих принципов, взятый изолированно, сам по себе, недостаточен. Более того, если последовательно довести его до конца, то нормальная жизнь общества вообще станет невозможной: неограниченное проведение личной свободы приведет к анархии, то есть ничем не сдерживаемому произволу каждого единичного человека, а последовательное и исключительное проведение государственного господства рано или поздно обернется деспотизмом, отрицанием личных прав, частной собственности и даже семьи, потому что в публичном праве воля и интерес государства несоизмеримо выше личности и общества.

Таким образом, поскольку благоустроенная жизнь невозможна и без личной свободы, и без государственного господства, постольку и оба принципа фактически восполняют и уравнивают друг друга [Спекторский, 1927, с. 53].

Системно-отраслевой подход к уяснению сущности публично-правового регулирования

Казалось бы, при столь основательной историко-правовой и философско-правовой базе собственно юридической, то есть системно-отраслевой, подход к публичному праву и публично-правовому регулированию не должен испытывать недостатка научного внимания. На самом же деле картина несколько иная. Верно, что в отечественном правоведении изучение особенностей публично-правового регулирования, выявление современных критериев для определения его целей, пределов и методов в настоящее время оставляет желать лучшего. Соответствующие исследования выполнены главным образом на материале 60–70-х годов XX века, а фундаментальные современные разработки, касающиеся природы государства и его функций, не ведутся – по меньшей мере, не прослеживаются по публикациям в рецензируемых журналах. В итоге и доктрина публичного права развивается хаотично, дезинтегрированно, с акцентом лишь на отдельных секторах, близко связанных с экономикой, таких как налоговое и антимонопольное право или таможенное регулирование [Землянов, 2011]¹.

Деление правовой системы на публичное и частное право, по мнению Ю.А. Тихомирова, вытекает не из произвольной концептуализации, а является следствием объективной необходимости институционального структурирования и когерентности правопорядка, где разграничение интересов в социальном контексте выполняет не только диагностическую функцию, но и фундаментально обоснованную роль в раскрытии внутренних закономерностей правомерного и неправомерного поведения, позволяя таким образом определить истинные основания для юридической

¹ Мы должны еще пройти этап кодификации публичного права. Интервью с А.А. Ивановым // Закон. 2023. № 12. С. 2–14.

регламентации различных типов социальных взаимодействий. В этом контексте разграничение частного и публичного права выполняет не только мета-теоретическую, но и практическую задачу, предоставляя возможность применения дифференцированных юридических конструкций, каждая из которых, в свою очередь, ориентирована на специфику регулирования социальных интересов, находящихся в области действия того или иного правового механизма. Такое разделение права выходит за рамки простого формального разграничения и интерпретируется как динамическая и органически связанная структура, в которой публичное и частное право выступают не как противоположности, но как компоненты единой, взаимозависимой системы, каждый из которых направлен на регулирование различных сфер социальных взаимодействий с учетом их внутренней логики и существенного влияния на поддержание стабильности и адаптивности правовой структуры в условиях постоянно изменяющегося социокультурного контекста [Тихомиров, 2008, с. 78]. В таком своем качестве публичное право формирует социально активное правомерное поведение и воплощает особый тип правопонимания, юридического мышления и общественного сознания, признающего приоритет публичных интересов и направленного на их обеспечение.

По мнению Ю.А. Тихомирова, публичное право выполняет такие функции, как правовое обеспечение системного устройства общества, установление легитимности власти, гуманитарность публичного регулирования, обеспечение управления публичным сектором. Признак ценностно-нормативного единства публичного права раскрывается через его способность агрегировать и систематизировать базовые, структурообразующие принципы, которые в своей совокупности служат основой для формирования и функционирования как общества в целом, так и его структурных элементов, включая государственные институты и статус человека и гражданина, при этом данная нормативная общность становится не только правовой основой для регулирования общественных отношений, но и своего рода рефлексией фундаментальных ценностей, определяющих механизмы правопорядка, социальной справедливости и органичности политической системы, что делает публичное право инструментом для обеспечения социальной целостности и правовой стабильности [Тихомиров, 2008, с. 78].

Сочетание публичных и частных интересов, в интерпретации Ю.А. Тихомирова, требует учёта диалектической природы социальных отношений, в которых плюрализм интересов приводит к необходимости институционального признания публичного интереса в качестве нормативно обязательного и преобладающего ориентира для всего спектра субъектов права, что обуславливает обязательность его соблюдения как в нормативном, так и в практическом контекстах правового регулирования. В то же время данный приоритет не следует рассматривать как инструмент ограничения или подавления частных и корпоративных интересов, поскольку публичный интерес как таковой служит не только регулятором общих социальных отношений, но и своего рода правовой и социально-гарантированной основой для реализации этих частных интересов в рамках стабильного правового и институционального порядка. Проблема заключается в соблюдении необходимой правовой пропорции между публичным и частным интересом, поскольку нарушение этой пропорции, порождающее дисбаланс, ведёт к возникновению угроз для государственного аппарата и экономической стабильности, ставя под сомнение эффективность обеспечения правовых и законных интересов как граждан, так и юридических лиц в условиях правовой неопределённости и институциональной несогласованности [Тихомиров, 2008, с. 65, 141; Степанов, Григорьев, Денисов, 2023, с. 60].

Как видим, в рассматриваемой концепции представлено расширенное понимание публичного права. Не оспаривая его по существу, заметим, что в более узком формально-догматическом смысле публичное право выступает как совокупность норм, определяющих организацию и функции государства и отношения его к отдельным лицам.

Пример формально-догматического подхода к интерпретации публично-правового регулирования находим в разъяснении, данном Верховным Судом РФ»: административные споры обусловлены отношениями власти и подчинения, то есть к административным делам, рассматриваемым по правилам Кодекса административного судопроизводства РФ, относятся дела, возникающие из правоотношений, не основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, в рамках которых один из участников правоотношений реализует административные и иные публично-властные полномочия по исполнению и применению законов и подзаконных актов по отношению к другому участнику (абзац 4 пункта 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»¹).

Заключение

С учетом приведенных выше положений в их совокупности рассматриваем публично-правовое регулирование как процесс юридического воздействия на общественные отношения на базе норм, содержащих правила организации и функционирования государства, исходящие из признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина и недопущения нарушений основ конституционного строя.

Таким образом, синтетический подход к уяснению сущности публично-правового регулирования, объединивший историко-правовой, философско-правовой и собственно юридический (системно-отраслевой) аспекты анализа, позволяет сформулировать вывод о том, что сущность публично-правового регулирования обусловлена его ролью как основного нормативного инструмента институционализации общественных отношений, способствующего реализации и легитимации правопорядка посредством последовательного взаимодействия нормативно-ценностных и институционально-юридических компонентов. Публичное право, функционируя в условиях высокой степени социальной и правовой сложности, обеспечивает нормативную артикуляцию приоритетов коллективных интересов, тем самым формируя правовую основу для интеграции различных социополитических и экономических акторов в единое юридическое пространство, основанное на принципах справедливости, равенства и пропорциональности.

Список литературы

- Баранов А.Ю. 2019. Публично-правовое регулирование. Москва, Юрайт, 416 с.
- Булатов Р.Б., Макачук К.Н. 2024. Правовое регулирование деятельности института нотариата в России: проблемы и пути их преодоления. *Государственная служба и кадры*, 1: С. 51-55. DOI 10.24412/2312-0444-2024-1-51-55.
- Графский В.Г. 2000. Всеобщая история права и государства. Москва, Норма, 752 с.
- Гусев Л.П. 2020. Нотариат. Москва, Юрайт, 384 с.
- Землянов О.Е. 2011. Публично-правовое регулирование: проблемы теории и практики. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 30 с.
- Иванова Е.В. 2017. Нотариальная деятельность. Москва, Юрайт, 384 с.
- Кант И. 1903. Метафизика нравов: Метафизические начала учения о праве. Санкт-Петербург: П.П. Сойкин, 60 с.
- Конджакулян К.М., Мерзаметова П.М. 2020. Правовое регулирование нотариальной деятельности в Российской Федерации. *Государственная служба и кадры*, 3: 195-197. DOI 10.24411/2312-0444-2020-10164.
- Кузнецова И.В. 2020. Административное право. Москва, Юрайт, 480 с.
- Кулишова Р.Т. 2015. Некоторые аспекты публично-правового регулирования нотариальной деятельности на современном этапе. *Вопросы современной юриспруденции*, 56: 10-15.

¹ О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации: [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 (ред. от 17.12.2020)] // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 11. ноябрь. 2016.

- Кулишова Р.Т. 2018. Правовой статус Министерства юстиции Российской Федерации как субъекта публично-правового регулирования нотариальной деятельности. *Нотариус*, 8: 3-8.
- Мальцев А.В. 2004. Соотношение частного и публичного права: проблемы теории // Гражданское и торговое право зарубежных стран. Москва, МЦФЭР, 245 с.
- Мамай Е.А. 2023. Публично-правовые полномочия нотариусов как объект государственного контроля. В кн.: Регулирование правоотношений в сфере публичного управления: вопросы теории и практики (к 25-летию Российского государственного университета правосудия). Санкт-Петербург, 21 апреля 2023 г. Санкт-Петербург: Центр научно-производственных технологий «Астерион»: 211-215.
- Мельников И.Н., Ширина Т.В. 2022. Правовое регулирование нотариальной деятельности в условиях цифровой трансформации: проблемы и перспективы. В кн.: Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе. Кострома, 22–23 апреля 2022 года. Кострома: Костромской государственный университет: 273-279.
- Петров М.А. 2019. Публичное право. Москва, Юрайт, 432 с.
- Смирнова Н.П. 2019. Нотариальная деятельность. Москва, Юрайт, 400 с.
- Смоленский М.Б. 2023. Государственное управление нормативно-правовым регулированием нотариата в Российской Федерации: статус нотариуса, проблемы и перспективы. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, 9(160): 99-104.
- Спекторский Е.В. 1927. Начала науки о государстве и обществе. Белград, Рад, 144 с.
- Степанов К.А., Григорьев И.В., Денисов С.Ю. 2023. О некоторых концептуальных проблемах современного нотариата в Российской Федерации: публично-правовой аспект. *НБ: Административное право и практика администрирования*, 3: 55-66. DOI 10.7256/2306-9945.2023.3.43815.
- Тихомиров Ю.А. 2008. Современное публичное право. Москва, Эксмо, 448 с.
- Холкина М.Г., Кравченко А.Г. 2021. Правовое регулирование нотариальных действий в условиях становления цифровой экономики. *Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право*, Т. 23, № 1: 104-114. DOI 10.24866/1813-3274/2021-1/104-114.

References

- Baranov A.Y. 2019. Public law regulation. Moscow, Yurait, 416 p.
- Bulatov R.B., Makarchuk K.N. 2024. Legal regulation of the activities of the notary institute in Russia: problems and ways to overcome them. *Civil Service and Personnel*, 1: pp. 51-55. DOI 10.24412/2312-0444-2024-1-51-55.
- Grafsky V.G. 2000. The universal history of law and the State. Moscow, Norma, 752 p.
- Gusev L.P. 2020 Notary office. Moscow, Yurait, 384 p.
- Zemlyanov O.E. 2011. Public law regulation: problems of theory and practice. Abstract of the dissertation ... kand. jurid. sciences'. Volgograd, 30 p.
- Ivanova E.V. 2017. Notary activity. Moscow, Yurait, 384 p.
- Kant I. 1903. Metaphysics of morals: Metaphysical principles of the doctrine of law. St. Petersburg: P.P. Soykin, 60 p.
- Konjakulyan K.M., Merzametova P.M. 2020. Legal regulation of notary activity in the Russian Federation. *Civil Service and Personnel*, 3:195-197. DOI 10.24411/2312-0444-2020-10164.
- Kuznetsova I.V. 2020. Administrative law. Moscow, Yurait, 480 p.
- Kulishova R.T. 2015. Some aspects of public law regulation of notary activity at the present stage. *Issues of Modern Jurisprudence*, 56: 10-15.
- Kulishova R.T. 2018. The legal status of the Ministry of Justice of the Russian Federation as a subject of public law regulation of notary activity. *Notary*, 8: 3-8.
- Maltsev A.V. 2004. The relationship between private and public law: problems of theory // Civil and commercial law of foreign countries. Moscow, MTsFER, 245 p.
- Mamai E.A. 2023. The public-law powers of notaries as an object of state control. In: Regulation of Legal Relations in the field of Public Administration: Issues of Theory and Practice (on the 25th anniversary of the Russian State University of Justice). St. Petersburg, April 21, 2023. St. Petersburg: Asterion Center for Scientific and Production Technologies: 211-215.
- Melnikov I.N., Shiroka T.V. 2022. Legal regulation of notary activity in the context of digital transformation: problems and prospects. In: Problems of law enforcement activity at the present stage. Kostroma, April 22-23, 2022. Kostroma: Kostroma State University: 273-279.

- Petrov M.A. 2019. Public law. Moscow, Yurait, 432 p.
Smirnova N.P. 2019. Notary activity. Moscow, Yurait, 400 p.
Smolensky M.B. 2023. State management of the legal regulation of the notary in the Russian Federation: notary status, problems and prospects. *Science and Education: Economy and Economics; entrepreneurship; Law and Management*, 9(160): 99-104.
Spectorsky E.V. 1927. The beginnings of the science of the state and society. Belgrade, Rad, 144 p.
Stepanov K.A., Grigoriev I.V., Denisov S.Y. 2023. On some conceptual problems of the modern notary in the Russian Federation: the public law aspect. *NB: Administrative Law and Practice of Administration*, 3: 55-66. – DOI 10.7256/2306-9945.2023.3.43815.
Tikhomirov Yu.A. 2008. Modern public law. Moscow, Eksmo, 448 p.
Kholkina M.G., Kravchenko A.G. 2021. Legal regulation of notarial actions in the context of the formation of the digital economy. *Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law*, vol. 23, No. 1: 104-114. DOI 10.24866/1813-3274/2021-1/104-114.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 21.03.2025
Поступила после рецензирования 18.04.2025
Принята к публикации 23.06.2025

Received March 21, 2025
Revised April 18, 2025
Accepted June 23, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гришин Кирилл Геннадьевич, аспирант,
Казанский (Приволжский) федеральный универ-
ситет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kirill G. Grishin, Postgraduate student, Kazan
(Volga Region) Federal University, Kazan,
Republic of Tatarstan, Russia.